

Сергей Доренко написал роман о Путине

Программу «Итоги недели» ведет Дмитрий Волчек. Принимает участие тележурналист Сергей Доренко.

Дмитрий Волчек: Еще в августе по Москве поползли слухи о сенсационной книге Сергея Доренко – романе, который называется «2008» и повествует о панике, охватывающей Кремль накануне президентских выборов. Книготорговцы уверенно предсказывали, что книга станет главным событием конца нынешнего года, во всяком случае, несомненным бестселлером. И вот роман вышел. Судя по его стремительному взлету в рейтингах книжных магазинов за несколько дней, ожидания издателей оправдываются. Рекомендую нашим слушателям прочитать этот роман, он во многих отношениях уникальный, прежде всего благодаря его очень сильной энергетике, такому почти наяву ощутимому излучению ненависти, исходящей от каждой страницы. И авторское видение первых лиц государства более чем занято, и стилистически книга новаторская, и наконец – это просто очень увлекательное чтение. Автор романа «2008 Сергей» Доренко – гость программы «Итоги недели».

Сергей Леонидович, добрый вечер. Начнем с самого простого вопроса. У вас, как у участника политического процесса, несомненно существует сверхзадача – влиять на события. Почему вы решили выбрать для этого беллетристическую, романную форму, отказавшись от привычного, более прямолинейного жанра – публицистики?

Сергей Доренко: Вы знаете, я по-настоящему не хотел влиять, я хотел разобраться в мотивациях. И даже меня несколько смутило, что вы говорите про какой-то заряд ненависти. На самом деле я хотел, чтобы мой герой, которого зовут Владимир Владимирович Путин, наоборот искупил, избыл свою боль, вот эту боль, вот это несчастье, которое на него свалилось в виде власти. Мне бы хотелось, чтобы он его избыл. И ведь на первых страницах ему является китайский бог, книга вся проникнута китайщиной, Янь Лован – начальник Пятой канцелярии, суда ада. Он ему говорит: следуй пути неба, не корми земные души, не давай им сожрать тебя, не будь кичливым, не будь... и дальше перечисляет какие-то качества. И в течение всего романа я даю герою возможность идти путем неба, и он в общем в конце уже приближается к пути неба.

Дмитрий Волчек: То, что бесконечно отличает вашу книгу от других сочинений о новейшей политике – это то, что если пользоваться терминологией, которую вы сами постоянно употребляете в романе, вы – автор-рассказчик, смотрите на своих персонажей сверху вниз, как альфа-самец на гамма-самцов. Хотя Путин и идет по пути неба, выглядит он довольно жалко, когда все время обгрызает губы до крови, а у Суркова так вообще все время текут кокаиновые сопля... в общем они все совершеннейшие ничтожества, насекомые. Объясняется ли это тем, что вы не только на своих героев, но и на их прототипов смотрите как творец? Ведь шесть лет назад вы были одной из ключевых фигур, которые привели к власти?

Сергей Доренко: Вы знаете, я все же с сожалением на них смотрю. Во мне нет гордыни, которую, может быть, мне не удалось, – я тут, конечно, каюсь, наверное, в моем тексте мне не удалось так подчеркнуть, – это или, может быть, вы так прочли. Во мне совершенно нет гордыни. Даже наоборот, автор в тексте постоянно говорит, что я – автор – был гамма-самцом по отношению к ним, я восторгался ими. Когда я смотрел девушку в метеосводке по телевизору (автор, вы помните, смотрит на девушку) он все время думает: а что же делает наш Путин в этот момент? Что же он, родимый, любимый делает в этот момент? Радует, что у девушки мини-юбка или не радуется вместе с нами? То есть я не могу с ним расстаться. Когда идет канва новостей, как пуповина связывающая меня, гамма-самца, с ним, вдруг разрывается, я не в силах себе представить, что в этот момент вдруг покидает меня. Я думаю: он рядом со мной, он тоже смотрит телевизор. Поэтому я не сверху вниз, я иначе бы сказал: я смотрю, забравшись в их мозг, как микроб, я микроб в их мозге, я сижу внутри их мозга. И поэтому у меня нет к ним отношения ни хорошего, ни плохого. И вообще я там предстаю даосом, а у даоса добро и зло ситуативны.

Дмитрий Волчек: Вы уже упомянули, что книга проникнута китайщиной. Я помню времена, когда вы увлекались Южной Америкой, вообще вы испанист. В романе есть единственное упоминание о вашей любимой Колумбии: рассказчик пьет колумбийский кофе. Зато вот эта китайская эзотерическая линия в центре. Почему вы отправили вашего Путина в Китай, а не к каким-нибудь шаманам инков в Анды?

Сергей Доренко: Мне кажется, что Путину один дурак знакомый, как сказано в книге, в 2000 году довольно долго объяснял, что он - Путин - даос. И этим дураком-знакомым, вообще говоря, был я. Но это в жизни, не в романе. И вот мне казалось тогда, что такое искусство не организовывать ход вещей, а позволять сущностям самореализоваться – это в высшей степени даосское поведение, что на самом деле так оно и есть. Но это очень понравилось прототипу, и он сказал: «Сережа, это же страшно эффективный способ», когда мы обсуждали это. Я вообще занимаюсь даосской философией, северным буддизмом, северным буддизмом в меньшей степени, потому что он так же, как авраамические религии, утверждает, что жизнь – это юдоль страданий, что мне совсем несимпатично и непонятно, честно говоря. Но даосизм и северный буддизм в меньшей мере мне интересны просто как философские учения, как космология какая-то, как понятие о природе вещей. И когда в 2000 или в 99 году я все это пытался втюхивать и прототипу – Путину.

Дмитрий Волчек: Если вы бы сейчас могли вернуться в 99-2000 год, какую линию поведения вы выбрали бы? Даже точнее вопрос: не кажется ли вам, что приход к власти Путина был все равно лучшим вариантом из всех, которые тогда были, вроде нелегитимного продления полномочий Ельцина или прихода к власти Примакова, Лужкова? Это уже вопрос из политической реальности, не романной.

Сергей Доренко: Вы знаете, я позволю себе не политически, а позволю себе ответить даосски: нельзя желать лучшего прошлого, прошлое есть. Оно не было даже, с точки зрения философской моей, а оно есть. Вот 99 год, он не был, он есть там, где он есть – он есть в 99 году. Я, например, сегодня приехал из Домодедово, Домодедово есть там в Домодедово. Точно так же 99 год, он никуда не может деться, он есть в 99 году. Поэтому говорить, что было бы лучше, в высшей степени бессмысленно. Лучшее из прошлого – это прошлое, и нельзя его выбирать. Трактовать как можно? Я не знаю, тут нужно побольше смирения иметь. Дело произошло так. Я отношусь к этому прошлому, как я пишу в начале книги, с иронией, с гордостью, с пониманием и с сожалением. С сожалением, потому что ждал большего. С иронией, потому что я ко всему отношусь с иронией. С пониманием, потому что многие мотивации Путина мне очень понятны. С гордостью, потому что он отчасти мой гомункулус. И я считаю, что это вполне мило, я не собираюсь сокрушаться. Меня не раз спрашивали: а вот если бы любой данный день вернуть тот, ты бы как поступил? Точно так же, потому что я тогда поступал спонтанно и искренне, и сегодня ничего лучше спонтанной искренности я не могу себе даже представить.

Дмитрий Волчек: Звонок Олега из Петербурга. Добрый вечер.

Слушатель: Здравствуйте. Сергей Леонидович, я очень удивился, что вы вслед за Чубайсом тоже стали писателем. Я, конечно, вашу книгу не читал, но хотелось бы узнать, применяете ли вы в ней марксистский метод, свои коммунистические убеждения, и имеет ли ваш труд художественные и какие-то эстетические достоинства?

Сергей Доренко: Олег, дорогой, вы понимаете, вы спрашиваете меня как литературного критика. Я все-таки смею надеяться, что я апеллировал, по крайней мере, к читателю как литератор. Потому что если бы мне понадобилось сделать публицистическую какую-то вещь, я бы сделал публицистическую вещь. Я апеллировал, конечно, как литератор. Литератор, который в книге не избегает небольших философских эссе, каких-то отвлечений. Литератор может быть не для широких масс, как мне казалось. Потому что, когда мы говорили: убери эти нудности философские, убери эти нудности, где ты с пинцетом и скальпелемковыряешься в ране – это тяжело для обычного читателя, ему нужна беллетристика, развитие. Я говорил, что в общем мне плевать на обычного читателя, я пишу, чтобы выразить нечто накопившееся и может быть даже помочь прототипу и герою. Но судить, когда вы меня призываете судить, я не могу, Олег, и не должен, наверное.

Дмитрий Волчек: В продолжение этого вопроса. На обложке книги опубликован адрес вашей электронной почты и предложение посылать автору отзывы. Это, конечно, самоотверженный шаг, потому что наверняка вам будут писать гадости, всякие безумные вещи, к тому же забьют ящик спамом. Но вопрос в другом: кто для вас самый важный читатель, адресат вашей книги? Вы уже сказали, что это не простой человек, который не понимает, кто такой Сурков и чем он отличается от Сечина. Может быть, тогда это непосредственно сами сурковы и сечины?

Сергей Доренко: Знаете, как начиналось, если это интересно? Год назад ко мне подошел человек, имя которого я забыл (тут не лукавлю – забыл и все), человек около Дома книги на Новом Арбате. То есть он созвонился со мной, я бы не стал встречаться с каким-то сумасшедшим. Он сказал, что он издатель, и он предложил мне написать, что-нибудь – мемуары, ну может быть какое-то фэнтези. Я говорю: «Вы знаете, я не знаю, насколько я писатель, насколько у меня времени хватит на все эти вещи». Он говорит: «Вы набросайте страничек двадцать. У нас есть...». Он намекнул, что есть литературные рабы, которые все это распишут,

разрисуют, размалюют, а потом я поправлю немножечко фактурку, если они где-то неправильно сделают. Я ему сказал: «Вы знаете, я в жизни своей не читал чуждого текста еще, не доводилось никогда, даже если тассовка попадалась, когда я вел новостные программы в 92 году, например, программу «Время», в 91 «Вести» российского телевидения, даже тассовку я переписывал полностью, потому что я не могу прочитать этот идиотский синтаксис. И наоборот: у меня синтаксис ломаный, члены предложения меняются местами таким образом, что нужно очень попасть в темпо-ритм, чтобы понять, как это читается, это не так-то и читается легко. И я ему говорю: «Вы понимаете, что бы ни написал любой литературный раб, придется все переделывать наново, начисто». Как я переписывал ребятам, не часто, у меня хорошие корры работали, но если у корреспондента не получается, я переписывал от первой до последней фразы. Я править тоже не умею, я переписываю весь репортаж. И в этот момент он мне сказал: «Ну хорошо, пишите, что получится». Я 20 страничек написал, ему отдал. Он говорит: «Фамилии измените. Страшновато так». «Ладно, слушайте, вам не надо, мне не надо. Я пишу, жене нравится, я читаю иногда вечером эту лабуду».

И я так писал первые 50 страниц совсем редко, перемежая это поездками то на Мальдивы, то на революцию в Киев, я ездил по Украине, потом опять Украина, потом снова Украина, четыре или пять поездок. Потом опять нырялка в Доминиканской республике, потом Нью-Йорк, еще что-то, ну в общем не писал почти. И в марте, когда у меня было 50 страниц, я подумал: это выбросить или что с этим делать? Я спросил Проханова, известного писателя. Я сказал: «Александр Андреевич, а что с этим делать?». Я ему не показывал текста, правда, я просто сказал: я тут написал что-то такое. Он говорит: «Да вот покажи издателям». И он послал к этим замечательным ребятам Саше Иванову и Мише Котомину, которые прочли и которые сказали: «Ну пиши». «Вы знаете, «ну пиши» я писать не буду. Потому что я в известной степени на три четверти славянин, в другой своей четверти оставшейся я - румын, что гораздо хуже, чем славянин, я имею в виду хуже в смысле трудолюбия. Поэтому вы мне давайте график, вы мне давайте, сколько знаков в день, когда чего сдавать, иначе я вообще даже не притронусь». И они мне что-то такое сказали: «Сдай в конце июня». И я начал работать. Я поехал потом в Индонезию, сидел на Бали и писал как сумасшедший. Написал что-то такое. Вот так это было странно, непонятно. Для кого? – вы спрашиваете, а я все еще не ответил в таком длинном ответе. Как-то сначала вроде для себя, потом вроде семье читал, потом вроде даже для издателей, как мне казалось, но все-таки еще для себя. Да нет, это все для себя было сделано, безусловно.

Дмитрий Волчек: Все-таки важно, что книга вышла именно в издательстве «Ад Маргинем», потому что стилистически, как мне показалось, вы ориентировались на двух ключевых авторов этого издательства – одного уже бывшего, Владимирв Сорокина и Александра Проханова, которого вы только что упомянули. И даже вам удалось объединить их стилистические приемы, сделать такой микс своего рода. Было ли это намеренно, важны ли для вас эти авторы или все получилось случайно?

Сергей Доренко: Вы знаете, я Сорокина читал совсем мало. Меня он травмировал немножко, потому что он экспериментирует с языком так, как если бы я вошел куда-то и стал экспериментировать с плеткой, избивая людей. В некоторых работах, конечно, не во всех. Но говорю именно о тех, где он остро экспериментирует. И я читал, кажется, «Сердца четырех». Но немного я выдержал, я выдержал страничек десять и после этого решил, что это чересчур для меня. Но я думаю, что я не старался ему подражать уж точно. Мне хотелось понять мотивацию. Я ведь, как вы говорите, делаю больно или что-то в этом роде своим персонажам или тем, кто там упомянут, но больно не сделаешь без любви. Нужно поселиться внутри их мозгов, нужно стать частью их мотивации. Нужно знать каждый шаг, нужно проникнуть внутрь их центра принятия решений. Это изучается, конечно, у даосов, когда вы просчитываете, когда вы знаете движение, прежде чем его начнет противник или партнер в поединке. И конечно, бесконечная любовь к партнеру или противнику должна руководствовать, вести вас. Потому что, не полюбив, вы не сделаете по-настоящему больно, а только полюбив вы предвосхитите каждое его движение, прежде чем он даже знает о нем, вы уже знаете, как он себя поведет. Я пытался исходить не из каких-то авторов «Ад Маргинем», безусловно, а именно исходить из проникновения в мотивацию и попытки спасения героев, спасения от кичливости, от пути земли, от пути пожирания страстями.

Дмитрий Волчек: Позвольте, я чуть-чуть опущу разговор на землю, к событиям 2008 года, и перейду к последней части книги, которая мне показалась достаточно спорной во многих отношениях. Вы знаете, Роман Абрамович, тоже персонаж вашей книги, на днях сказал, что создал футбольный клуб, который просуществует сто лет. Вам не кажется, что в 99-2000 году при вашем участии создавалась система, которая просуществует многие десятилетия, и в 2008, и в 2012, и в 2024 году у власти будут те же самые сурковы, сечины, козаки, которых вы описываете, и никогда на нашем веку ни Лимонов, ни Шурыгин, которые в вашем романе попадают в Кремль, ни вообще политики принципиально иного типа к власти не придут?

Сергей Доренко: Все зависит не от меня уж точно, я ничего не создал. Мне некоторые из участников событий 99 года говорят, что мы что-то такое создали. Понимаете, мне бы было лестно говорить, что я создал. Мне

говорят: ты развернул нацию на 180. Ну, может быть, но не на 180. Я когда думаю серьезно, наедине с собой, мне понятно одно: мы чуть-чуть поправили нацию. Нация хотела отца. Моя нация, мой народ российский, русский народ, русский не в этническом смысле, русский по гражданству, мои русские граждане, они консерваторы, причем правые консерваторы, вот почему они любят Сталина, безусловно, правого политика, этатиста, категорического этатиста, находящегося близко к Муссолини в степени своего этатизма. Вот почему они всегда при малейшей возможности возобновляют патерналистскую систему, а это ультраправая система, ничего общего с левыми не имеющая. Потому что левые всегда трактуют о движении власти и о движении снизу вверх. Вспомните Ленина. Правые всегда идут от патернализма. И русские граждане, к сожалению, - это люди, приверженные к правому патернализму и восстановлению крепостного права. Как только вы даете им возможность собственного политического творчества, русские граждане немедленно стремятся к патернализму ультраправому, крепостному праву. Это очевидная вещь, с которой невозможно спорить, даже если вы будете ругательно называть протофашизм и ультраправые движения коммунизмом, тем не менее, с левыми они вообще ничего общего не имеют. Поэтому, когда народ в 99 году хочет отца и называет отцом Примакова и устремляется к отцу, я еду в Чечню на фронт, - я там сидел на фронте, в отличие от всех других ведущих, ни одного там не видел, кроме себя, честно говоря. Я еду на фронт, на площадь Минутку, в окопы, в штаб в Ханкале, когда Басаев теряет ногу, и призываю наказывать отрезателей голов. И просто подправляю чуть-чуть, вместо отца говорю: вот есть брат-солдат, отец старый, немножко дряхлый. Но вот есть брат-солдат, он решает те же задачи. Кто кого на 180 развернул, Дмитрий, мы же с вами вменяемые, мы же понимаем, что люди выбрали. Мы людям только прошептали на ухо то, что они хотели услышать, и все, и больше ничего.

Дмитрий Волчек: У меня очень много вопросов: я только что прочитал роман и нахожусь под впечатлением. Но все же пора дать слово нашим слушателям. Вячеслав из Петербурга, добрый вечер.

Слушатель: Здравствуйте. У меня такой вопрос. Раз разговор пошел о Востоке, я хочу уточнить: указ о назначении Путина совпал с затмением, вторая инаугурация совпала с слиянием затмений – это тоже очень важно. Вы это просчитывали, вы это учитывали, интересовались?

Сергей Доренко: 17 августа 99 года, по-моему, было лунное затмение, а не солнечное. Солнечное было 5 или 4 августа 99 года. А действительно, как знает Вячеслав, потом было лунное. Я сейчас, Вячеслав, с такой точностью не помню. Я помню, что был период либо между солнечным и лунным затмением, либо в день лунного затмения. Но солнечное было 5 или 4 августа, но не 17, когда был назначен Путин премьер-министром. Я серьезно интересуюсь Востоком, я бы даже сказал, может быть серьезнее, чем следовало бы человеку с тремя университетскими образованиями.

Дмитрий Волчек: В финале вы прибегаете к не очень славному литературному приему – бог из машины. Появляются чеченцы, захватывают атомную электростанцию, и власть Путина рушится. Не сверхъестественный финал у этой истории, назовем ее условно историей 2008 года, может быть?

Сергей Доренко: Я даже в тот момент, когда придумал чеченцев, я даже их лиц не видел. Когда мне издатели говорили: ну напиши, как они сидят на пульте, чего делают, я все равно их не видел. У меня во сне Путина, когда он видит, как Агамемнон приносит Ифигению на алтаре Артемиды – это единственное видение чеченцев было. Агамемнон и Брэд Питт, который Ахилл, они приносят Ифигению, чтобы был южный ветер. Единственное видение чеченцев. Они мне действительно однажды: сделай большое еще больше, оно погибнет по внутренним причинам. Власть Путина скорее всего падет по внутренним причинам, так говорил тайгун 26 веков назад. Большое делается еще больше и лопнет.

Автор: Артур Скальский © Радио Свобода СТРАНА, РОССИЯ 2422 24.10.2005, 11:06 192
URL: <https://babr24.com/?ADE=25332> Bytes: 19189 / 18874 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)